2016099317

Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Получать можно въ Редакціи

ТРОИЦКИХЪ ЛИСТКОВЪ.

Сергіевъ пос. Москов. губ., въ книжныхъ магазинахъ: Тузова, С.-Петербургъ, Гостин. дворъ № 45, Вѣра и Знаніе Попова, Невскій пр. № 119, Общества религіозно-нравств. просв. Стремянная, 21 и Братства Пресв. Богородицы у св. воротъ Ал.-Невской Лавры.

Тамъ же можно получать изданія того же автора:

1) **Житіе и подвиги преп. Сергія Радонежскаго Чудотв.**, съ 147 рисунками, ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к.

2) **Троицкое толковое Евангеліе отъ Матѳея** въ папкѣ, съ 65 рис. 800 страницъ, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Сіи двѣ книги удостоены преміи Митрополита Макарія по 1000 рублей.

3) **Гдѣ же наше христіанство?** ц. 10 к., съ перес. 14 к.

4) **Чѣмъ жива наша русская православн. душа?** ц. 20 к., съ перес. ц. 30 к.

5) **Наслѣдство Адамово, Тр. цвѣтокъ**, ц. 10 к., съ перес. 15 к.

6) **Что намъ нужнѣе всего?** Тр. цв., тоже.

7) **Откуда пошла наука и вѣрятъ ли въ Бога ученые люди**, ц. 15 к., съ перес. 20 к.

8) **Наше духовное сиротство**, ц. 10 к., съ пер. 12 к. и другія сочиненія.

22

НІКОНЪ,
Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

НА НОВОМЪ АѲОНѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

НІКОНЪ,
Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

НА НОВОМЪ АѲОНѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная типографія.
1912.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
...ЛЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
122807-О

НА НОВОМЪ АѲОНѢ.

(Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.)

Гора Аѳонъ, гора святая!
Не знаю я твоихъ красотъ
И твоего земнаго рая
И подъ тобой шумящихъ водъ!
Я не видалъ, гора святая,
Твоихъ стремнинъ, отвѣсныхъ скалъ,
И какъ прекрасна даль морская,
Когда лучъ солнца догоралъ...

Да, я не видалъ святой горы Аѳонской, но полюбилъ ее еще дѣтскимъ сердцемъ, съ того благословеннаго дня, когда почтенный старецъ изъ сосѣдней деревни, побывавшій на святомъ Аѳонѣ, повѣдалъ въ нашемъ домѣ о святыняхъ и о подвижникахъ сего жребія Преблагословенной Дѣвы Маріи, повѣдалъ такъ, какъ

умѣютъ повѣдать только благочестивые русскіе странники, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ, проливая сладкія слезы благодарности къ Господу, сподобившему его узрѣть сіи святыни, сихъ ангелоподобныхъ подвижниковъ-святогорцевъ... Скоро старецъ снова ушелъ на святую гору уже навсегда и скончалъ тамъ свое земное странствованіе въ схимѣ съ именемъ Полихронія. Царство ему небесное!

И крѣпко полюбилъ я тогда гору Божію и не только не разъ перечиталъ, но и своею дѣтскою рукою списалъ цѣлыхъ двѣ книги о святой горѣ: «Путеводитель» и «Вышній Покровъ надъ Аѳономъ», а изображенія 33-хъ чудотворныхъ иконъ, приложенныя къ послѣдней,—всѣ срисовалъ чрезъ стекло, переплелъ эти книги и доселѣ храню ихъ, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моего отрочества. Съ восторгомъ читалъ я и перечитывалъ извѣстныя «Письма Святогорца» и не могу не порекомендовать эту чудную книгу всѣмъ, кто хочетъ пережить благодатныя чувства и умиленное настроеніе чистой души этого поэта, странника по св. горѣ. Какъ жаль, что

такія книги какъ-то забываются, выходятъ изъ употребленія, а ихъ мѣсто занимаютъ книги совсѣмъ иного духа—г.г. Благовѣщенскихъ, Немировичей-Данченко и под.! Сами засоряемъ свои души зловонною грязью, а потомъ и жалуемся, что жить тяжело, что тоска томитъ сердце... Кто же виноватъ?

Я заговорилъ объ Аѳонѣ потому, что совсѣмъ для себя неожиданно Богъ привелъ мнѣ посѣтить нашъ родной, русскій Аѳонъ, такъ называемый *Новый Аѳонъ* на Кавказѣ. Болѣзнь загнала меня на отдыхъ въ этотъ край, и какъ было не посѣтить этой обители, о которой зналъ еще тогда, когда она только что зарождалась? Съ любовью вспоминаю я перваго ея основателя, старца Божія о. Арсенія, который выбралъ и мѣсто для нея, но которому Богъ не привелъ даже основаніе положить: помѣшала турецкая война, а потомъ вскорѣ онъ и скончался въ Москвѣ. Много слышалъ я о красотѣ мѣстоположенія, о величественныхъ постройкахъ, воздвигнутыхъ на полугорѣ, о роскошныхъ садахъ вокругъ обители; но то, что я увидѣлъ, превзошло

всякое описаніе. Не даромъ абхазцы говорятъ, что если былъ на землѣ рай, то онъ былъ именно въ ихъ родной Абхазіи. Любуясь красотами природы, я невольно думалъ: вотъ счастливцы—здѣшніе иноки: и теперь живутъ въ земномъ раю, и на небѣ имъ готовится рай же, если вѣрны будутъ обѣтамъ своимъ! Весь берегъ Чернаго моря, на протяженіи владѣній монастыря, превращенъ въ роскошнѣйшій садъ, и какихъ тутъ нѣтъ растеній! И стройные кипарисы, и многолиственныя смоковницы (дающія такъ называемыя винныя ягоды), и скромныя, но плодоносныя и въ высшей степени полезныя маслины, и лимоны, и апельсины, каштаны и всякаго рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имѣется больше 30 сортовъ. Нижній монастырь весь утопаетъ въ этой зелени, а верхній величественно царитъ на темно-зеленомъ фонѣ крутыхъ высокихъ горъ, надъ всею этой чудною картиной, поднимаясь, по крайней мѣрѣ, на 50 саженъ отъ уровня моря. Сколько трудовъ стоило срѣзать гору, чтобы образовать площадку, удобную для монастыря! Сколько приложено стараній, чтобъ засыпать нѣкоторыя ущелья, провести дороги кверху, развести эти сады, выкопать пруды, чтобъ осушить болота, устроить на горной рѣчкѣ плотину и заставить эту рѣчку работать на монастырь! Да, рѣчка—незамѣнимый работникъ для монастыря: она приводитъ въ движеніе мельницу, даетъ электрическую энергію для всѣхъ машинъ въ мастерскихъ, для освѣщенія, для водопровода, орошенія садовъ, даже для растиранія просфорнаго тѣста; та же сила будетъ въ скоромъ времени поднимать вагонетки на вершину Иверской горы,—одной изъ самыхъ высокихъ сосѣднихъ горъ, гдѣ предполагается построить церковь. Иноки сумѣли использовать самыя крутизны горъ: съ ихъ вершинъ они устроили прямолинейные спуски для дровъ, которыя сами собою скатываются внизъ къ монастырю съ высоты болѣе 200 саженъ.

Я не буду подробно описывать монастырскихъ построекъ; скажу только, что верхній монастырь представляетъ художественно скомпанованный четвероугольникъ трехъ-и четырехъ-этажныхъ корпу-

совъ, съ четырьмя храмами по угламъ, а въ срединѣ возвышается величественный пятиглавый соборъ съ обширными хорами внутри, назначенными собственно для монашествующихъ, дабы они во время богослуженія не мѣшались съ мірянами. Число всѣхъ братій въ обители простирается до 800; согласно правиламъ общежитія, никто изъ нихъ не имѣетъ собственности, всѣ проходятъ возлагаемыя на нихъ послушанія, смотря по ихъ силамъ и способностямъ. Что можетъ сдѣлать простой русскій человѣкъ въ примѣненіи своихъ способностей! Довольно сказать, что иноки обошлись безъ помощи инженеровъ и ученыхъ садоводовъ не только въ воздѣланіи своего «земного рая», но и почти безъ архитекторовъ во всѣхъ этихъ—можно сказать—гигантскихъ постройкахъ. Если бы, такъ называемые, соціалисты были добросовѣстны, если бы были способны чему-нибудь у кого-нибудь поучиться, то я посовѣтовалъ бы имъ поучиться вотъ у этихъ монаховъ: тутъ идеально осуществлены и равенство, и братство, и даже свобода: вѣдь всѣ эти люди пришли сюда не подневольно,

а совершенно свободно, и никто ихъ здѣсь силою не держитъ: свободною волею объединились они въ единое братство и живутъ одною семьей подъ водительствомъ своего старца «игумена», которому преданы съ дѣтской простотой беззавѣтно... Когда видишь предъ собою воочію осуществленіе идеала христіанской общины и приходятъ на мысль эти современные неумные мечтатели — преобразователи человѣчества, эти «соціалы» всякаго вида, то невольно думаешь: и хитеръ же сатана-человѣкоубійца, неустанно изобрѣтающій способы гибели для людей! Какъ онъ умѣетъ искажать, извращать то, что дорого душѣ человѣка, какъ «христіанкѣ по природѣ», чего онъ не терпитъ, что ненавидитъ всею своею сатанинскою ненавистію, но чего не можетъ вытравить изъ нея! Смотрите вотъ, что онъ сдѣлалъ съ этими въ сущности хорошими словами: равенство, братство, свобода! Конечно, мы всѣ равны предъ Богомъ, всѣ Ему милы, всѣ и другъ другу нужны, какъ члены одного и того же тѣла. Но не всѣ же члены тѣла исполняютъ одно и то же служеніе тѣлу: иначе, и тѣла бы не

было. Человѣчество и есть одно великое тѣло, одинъ организмъ любви. Какъ служенія различны, то и способности Богъ далъ людямъ различныя и силы неодинаковыя. Каждый служи ближнему тѣмъ, что далъ тебѣ Богъ, и будешь счастливъ въ этомъ служеніи и будешь чувствовать всѣмъ существомъ своимъ то равенство, идеалъ коего заложенъ Богомъ въ твоей душѣ, равенство внутренняго креста въ земной жизни. То же въ отношеніи братства. Всѣ мы дѣти Единаго Отца Небеснаго, дѣти матери Церкви Христовой, всѣхъ насъ любитъ Господь одинаково, за всѣхъ одинаково пролилъ Свою безцѣнную кровь. Значитъ, всѣ мы братья. Всѣ и должны любить другъ друга какъ братья, служить другъ другу по-родному. Но зналъ Господь всевѣдущій, что не всѣ мы одинаково воспользуемся своею свободою, не всѣ одинаково будемъ служить Ему исполненіемъ Его животворящихъ заповѣдей, и потому не всѣмъ далъ однѣ и тѣ же способности и дарованія. Одному далъ—одинъ талантъ, другому—два иному—пять... Вотъ и долженъ получившій пять талантовъ снисходить тому, кто получилъ одинъ, а сей послѣдній долженъ сознавать свою нищету и смиряться предъ собратомъ своимъ, который выше его стоитъ по Божьему дару. А все же всѣ мы братья, всѣ предъ Отцомъ Небеснымъ равны. Да и всѣ свободны. Богъ никого не насилуетъ, противъ воли не влечетъ въ Свое небесное царство. Хочешь спастись—спасайся: *аще хощеши внити въ животъ—соблюди заповѣди.* Не хочешь—твоя воля. Знай только, что если погибнешь—самъ виноватъ будешь. Вотъ и идутъ люди въ монастырь, хотятъ спастись, борются съ своими страстями, воюютъ противъ плоти, міра и діавола... Падаютъ и снова встаютъ, и снова укрѣпляются на врага. Въ томъ и свобода, что никто воли твоей съ тебя не снимаетъ: хочешь—спасайся, не хочешь—какъ знаешь: хоть въ міръ возвращайся. Знай только, что борьба съ страстями, съ своимъ самоцѣномъ, съ похотью плоти и похотью очесъ (любостяжаніемъ) ведетъ тебя къ истинной свободѣ духа, къ той свободѣ, о которой Господь говоритъ: *аще Сынъ свободитъ вы, воистину свободни будете.* О, если бы люди знали, что это за дивный

даръ Божій—свобода духа отъ страстей! Какой миръ души, какую радость о Господѣ, какую несокрушимую силу духа подаетъ она! Если бы, по крайней мѣрѣ, старались живущіе въ мірѣ, порабощенные суетѣ его, почаще бывать въ тихихъ пристаняхъ сей свободы, въ обителяхъ святыхъ, если бы поближе держали себя къ носителямъ благодатной свободы—старцамъ Божіимъ, которые жизненнымъ подвигомъ стяжали себѣ, хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ, сію свободу! Вѣдь тогда, можетъ быть, спала бы съ очей ихъ пелена, закрывающая отъ нихъ истину; тогда, можетъ быть, они опытомъ познали бы, что та свобода, о какой мечтаютъ они, свобода жить по своей волѣ и служить своимъ страстямъ, есть въ сущности рабство, о коемъ говоритъ Господь: *творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*. Тогда они, можетъ быть, поняли бы, что не въ животной жизни, какою они живутъ большею частію, состоитъ назначеніе и счастье человѣка, а вотъ въ достиженіи этого духовнаго совершенства, этого, въ мѣру нашихъ силъ и Божіей благодати, богоуподобленія. Кто изъ вѣрующихъ

имѣлъ счастіе хотя разъ въ жизни встрѣтить такого старца Божія, тотъ несомнѣнно носитъ въ сердцѣ его образъ всю жизнь и не это ли впечатлѣніе отъ свиданія со старцемъ о. Амвросіемъ, когда-то пережитое несчастнымъ Львомъ Толстымъ, повлекло его въ послѣдніе дни его жизни въ Оптину, повлекло непроизвольно, темнымъ чувствомъ, воспоминаніемъ нѣкогда пережитаго, въ нѣкоемъ темномъ желаніи еще разъ встрѣтиться съ старцемъ—преемникомъ о. Амвросія? Но—увы, неспособна уже была душа его къ воспріятію благодатнаго воздѣйствія отъ такого свиданія и—«затворени быша двери», и не попущено сіе свиданіе, да не въ горшій ему судъ будетъ оно!..

Много повѣдалъ мнѣ достопочтенный старецъ «игуменъ» Ново-Аѳонской обители, о. архимандритъ Іеронъ, о достоблаженныхъ старцахъ Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря: о. Іеронимѣ, при которомъ Богъ сподобилъ его послужить 17 лѣтъ, архимандритѣ Макаріи, отцахъ Азаріи, Аверкіи, Селевкѣ и др. Какіе дивные, полные духовной красоты образы христо-

подражательнаго смиренія, послушанія, кротости, духовной и тѣлесной нищеты встали предо мною въ этихъ повѣствованіяхъ! Какъ жаль, что иноки, по свойственному имъ смиренію, не записываютъ того, что было бы такъ назидательно для мірянъ и хранятъ лишь въ устномъ преданіи такіе разсказы!

Вотъ встаетъ предъ нами величавый образъ старца-подвижника, мужа великаго опыта духовнаго и разсужденія, приснопамятнаго—о. Іеронима. Яко кокошъ духовный собралъ онъ и духовно воспиталъ все это многочисленное братство, населяющее русскій св. великомученика Пантелеймона монастырь, братство, беззавѣтно ему преданное, готовое на все ради любимаго батюшки. Уже въ глубокой старости, удручаемый немощами и болѣзнями, не разъ старецъ собирался умирать, но вся братія, какъ одинъ человѣкъ, становилась на молитву и Господь, по ихъ горячей молитвѣ, паки и паки даровалъ ему жизнь. Зная это, предъ своею кончиною старецъ просилъ ихъ—дать ему умереть, не просить ему у Бога жизни. «Братія, отпустите меня,

RUSSIA 2016099317

больше не могу жить!» говорилъ онъ. Зорко слѣдилъ онъ за каждою душою, которая ввѣрила ему себя и глубоко-мудро руководилъ ихъ въ духовной жизни. Даръ разсужденія, какъ повѣдалъ это его присный другъ и сподвижникъ монахъ Діонисій, получилъ онъ еще въ началѣ своего подвига въ дивномъ видѣніи. Жили они четыре года въ лѣсахъ, прежде чѣмъ о. Іеронимъ покинулъ Россію для св. Аѳона. Жили по заповѣди великихъ старцевъ, ничего другъ отъ друга не скрывая. Разъ шли они куда-то и о. Іеронимъ, тогда еще Іоаннъ, почувствовалъ страшныя, невыносимыя боли въ желудкѣ. Отъ болей онъ не могъ продолжать пути и легъ при дорогѣ, а его спутникъ пошелъ въ ближайшее селеніе принести ему хоть теплой воды... Возвращается—видитъ, что Іоаннъ сидитъ спокойно.

— «Что чувствуешь?» — спрашиваетъ спутникъ.

— Пожди мало, брате,—отвѣчаетъ онъ, дай мнѣ придти въ себя.

Спустя немного онъ повѣдалъ сему брату за великую тайну, что сейчасъ видѣлъ

онъ въ явѣ Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, котораго благоговѣйно чтилъ съ дѣтства, такъ какъ носилъ его имя отъ св. крещенія. Апостолъ спросилъ его: «что съ тобою?»

Онъ отвѣтилъ ему, что зѣло болѣетъ у него желудокъ. Апостолъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Теперь ты здравъ!»

И онъ почувствовалъ, что боль мгновенно утихла.

И сказалъ ему Апостолъ: «проси у меня еще чего хочешь?».

И дерзнулъ онъ просить себѣ дара разсужденія и слова.

— «И сіе дается тебѣ»,—сказалъ Апостолъ Христовъ и сталъ невидимъ.

И дѣйствительно, старецъ всегда, при всякихъ обстоятельствахъ жизни, находился, что сдѣлать, что сказать, и его мудрое слово цѣнилось братіей, какъ извѣщеніе свыше.

Его ближайшимъ, незамѣнимымъ сотрудникомъ въ управленіи братіей и въ старчествѣ былъ о. архимандритъ Макарій (Сушковъ), котораго проще звали, по Аѳонскому обычаю, игуменомъ. О сихъ двухъ стар-

цахъ можно было повторить слово просвѣтителя славянъ, св. Кирилла: «два супруга еста, едину бразду тяжуща». О. Макарій былъ дѣтски преданъ о. Іерониму и рѣшительно ничего не дѣлалъ безъ его благословенія. Трогательно слушать разсказы о томъ, какъ этотъ, тоже убѣленный сѣдинами старецъ, кланялся въ ноги, какъ провинившійся ребенокъ, великому своему духовному руководителю, прося у него прощенія.

Зналъ старецъ Божій сердце человѣческое и умѣлъ воздѣйствовать на него въ духѣ кротости Христовой. Приходитъ къ нему монахъ, подверженный пьянству, озлобленный, приходитъ съ намѣреніемъ оскорбить его, чтобы потомъ имѣть причину уйти въ міръ... Видно, что совѣсть еще не совсѣмъ заглохла въ немъ, что онъ еще борется съ помысломъ самочинія. Старецъ ласково встрѣчаетъ его и, не давая ему заговорить, приказываетъ келейнику «отецъ Порфирій! угости отца...»

Тотъ подаетъ стаканчикъ виноградnаго вина.

— «Еще угости!»

Монахъ говоритъ: «отче, я уже пьянъ»...

— Ничего, пусть говорятъ, что хотятъ, а еще выпей!»

Монахъ пьетъ, но тутъ же «творитъ метаніе» старцу (кланяется въ ноги) и кается: «батюшка! я вѣдь хотѣлъ изругать тебя и уйти изъ обители: прости меня—ты побѣдилъ!»

И дѣйствительно, исправляется въ поведеніи.

— «Уйти, можетъ быть, и не ушелъ бы, а наглупилъ бы—это вѣрно», говоритъ о немъ старецъ келейнику.

О. Макарій въ первое время своего управленія держалъ братію строго. Часто заставлялъ виновныхъ въ нарушеніи порядковъ монашеской жизни «тянуть четки» въ трапезѣ. Иногда недовольный такимъ рѣшеніемъ инокъ идетъ къ «старому батюшкѣ», о. Іерониму, съ жалобой на о. Макарія. И старецъ идетъ къ о. Макарію.

— «Вотъ, на тебя жалуется такой-то: строго ты его наказываешь»...

— Какъ же, батюшка, быть? Вѣдь распускаются,—оправдывается о. Макарій.

— «А позови-ка его сюда».

Зовутъ монаха. Приходитъ.

— «Вотъ видишь,—говоритъ ему старецъ: ты самъ виноватъ, нельзя такъ»...

Монахъ творитъ метаніе: «простите, батюшка!»

— Ну, Богъ тебя проститъ, впередъ не грѣши.

Монахъ уходитъ, а старецъ говоритъ о. Макарію: «вѣдь вотъ, если съ нимъ спорить, то онъ будетъ оправдываться, прощенія не попроситъ, и будетъ такъ ходить нѣсколько дней въ смущеніи, а до этого доводить не слѣдуетъ: сталъ просить прощенія и довольно пока для его смиренія. Сразу святымъ вѣдь не сдѣлаешь!»

Замѣчательно было терпѣніе старца. У него было четыре постоянныхъ болѣзни: судороги въ рукахъ и ногахъ, замираніе сердца, страданія желудка и грыжа. Онъ самъ себя лечилъ. Въ болѣзненномъ состояніи никогда не слышно было ни малѣйшаго стона, ни вздоха отъ болей. Развѣ когда заснетъ—простонетъ. А спалъ онъ мало. Бывало, каешься ему, что проспалъ службу, а онъ шутя скажетъ: «я вотъ и купилъ бы себѣ сна, да нельзя!»

Говорилъ о себѣ старецъ: «во всю мою жизнь я предался унынію только разъ: это—когда патріархъ не принялъ къ себѣ о. Макарія, ѣздившаго въ Царьградъ для объясненія всего дѣла, возникшаго по навѣтамъ грековъ. Полтора мѣсяца жилъ о. Макарій въ Царьградѣ, пока наконецъ патріархъ его принялъ, дѣло выяснилось и милостью Божіей прекратилось».—Такъ тяжело было это искушеніе для русскихъ иноковъ въ то время! Но объ этомъ скажу ниже.

Говорилъ также достоблаженный старецъ о. Іерону: «строй обитель на такомъ мѣстѣ и такъ, чтобы монахамъ было и свѣтло, и тепло, чтобы не было близко болотъ, чтобы не было сильныхъ вредныхъ вѣтровъ изъ ущелій... Пусть монахи пользуются всѣми дарами Божіими, дабы врагъ-діаволъ не имѣлъ повода подъ видомъ неудобствъ переманивать ихъ въ другіе монастыри, а потомъ и въ міръ. Довольно для нынѣшнихъ слабыхъ людей и тѣхъ скорбей, какія попуститъ Богъ въ общежитіи».

Вотъ о. Азарія, типъ ученаго подвижника-отшельника, безпощадно строгій къ

себѣ, удивительно снисходительный къ другимъ. Онъ неопустительно посѣщалъ всѣ богослуженія, а въ кельѣ постоянно занятъ былъ всякаго рода письменными работами. Онъ и письмоводитель, онъ и переводчикъ, археологъ, писатель. Кто бы ни вошелъ въ его келью—первый вопросъ: «что скажете?» — Отвѣтитъ, что нужно и даетъ понять, что ему недосужно.

Подъ предлогомъ такихъ недосуговъ онъ сталъ ходить вмѣсто первой—на вторую трапезу, дабы подвергнуть себя нѣкоторымъ лишеніямъ. Дѣло въ томъ, что на первой трапезѣ пища подается сполна, каждому монаху особо, на второй приходится довольствоваться тѣмъ, что останется на столѣ отъ первой. И вотъ, придетъ о. Азарія и начнетъ собирать кусочки со стола, сядетъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ и кушаетъ ихъ... Никогда ничего не попроситъ! А греки-монахи, служившіе въ трапезѣ, нарочито будто его не замѣчаютъ... И нерѣдко весь его обѣдъ состоялъ изъ кусочковъ хлѣба съ уксусомъ съ водою, замѣняющимъ на Аѳонѣ квасъ. Какъ-то замѣтили это русскіе старцы и доло-

жили о. игумену Макарію, что о. Азарія томитъ себя голодомъ.

О. Макарій сказалъ ему: «зачѣмъ ты это дѣлаешь?»

Старецъ отвѣтилъ: «можетъ быть Господь проститъ мнѣ за это хоть нѣчто изъ грѣховъ моихъ многихъ».

Игуменъ съ той поры приказалъ русскимъ наблюдать, чтобъ старцу Божію подавали пищу какъ слѣдуетъ.

Одежда его была вся «залатанная», такая, что если ее бросить—никто не польстится поднять. Бѣлье такое же. Старецъ никогда ничего не просилъ у игумена: замѣтятъ, сами дадутъ, — благодаритъ, не замѣтятъ—говоритъ: «не стою я и того, что имѣю; можетъ быть, Господь во что-нибудь вмѣнитъ мнѣ и это».

Былъ въ обители инокъ, по имени Селевкій, великій ревнитель—не всегда и по разуму—чиновъ и уставовъ монашескихъ. Онъ не могъ утерпѣть, чтобъ не сдѣлать замѣчанія тому или другому изъ братіи и случалось, что говорилъ рѣзкости и о. Азаріи. Братія, уважавшая о. Азарію, говорила игумену: «Селевкій обижаетъ о. Азарію».

Игуменъ отвѣчалъ: «о. Азарія—умный человѣкъ, не обидится».

И дѣйствительно, на вопросъ о. игумена, что у нихъ произошло съ о. Селевкіемъ,—о. Азарія добродушно отвѣчалъ: «ничего, батюшка; онъ мнѣ—спасибо ему — только правду вѣдь сказалъ: какъ же можно на это обижаться?»

Да и Селевкій часто раскаивался въ своихъ рѣзкостяхъ и искалъ примиренія.

Жилъ лѣтъ 25 подъ самою горою Аѳономъ старецъ Иларіонъ, близкій духовный другъ о. Іеронима. Съ нимъ жилъ другой старецъ—Савва. Оба приходили въ обитель обычно въ пятницу, говѣли и въ воскресенье возвращались въ свою келью. Разъ пришли они въ постный день, когда не положено пищи съ масломъ. Ихъ угостили однакоже съ масломъ. Говоритъ Савва Иларіону: «отче, сегодня день постенъ».

— Что даютъ, то и ѣдимъ,—отвѣчаетъ тотъ.

Подаютъ вино. Старецъ вкушаетъ и отъ вина: «велятъ—надо пить»!—говоритъ онъ.

Послѣ сего Савва, отозвавъ угощавшаго

сказалъ: «напрасно вы угощаете старца: вѣдь онъ послѣ одной чашицы вина не станетъ и воды пить два-три дня».

Такъ строгъ былъ къ себѣ о. Иларіонъ. И вотъ что повѣдалъ мнѣ о. Іеронъ объ этомъ старцѣ. Это было предъ великимъ искушеніемъ для всей обители ихъ, когда греки возстали на русскихъ и рѣшили было изгнать ихъ.

— «Разъ во время всенощнаго бдѣнія какое-то необъяснимое чувство повлекло меня изъ церкви. Выхожу, прислушиваюсь— ничего не слышно. Иду около храма по направленію къ Введенской церкви и вижу: идетъ старецъ Иларіонъ.

Вдругъ онъ, какъ бы въ созерцаніи чего-то, остановился, сталъ усиленно полагать поклоны и потомъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу.—Увидѣвъ меня, онъ быстро сказалъ: «позови геронта», т. е. о. Іеронима.

Я повиновался и пошелъ въ церковь сказать старцу.

Обычно, о. Иларіонъ никогда не вызывалъ старца изъ церкви. И на сей разъ старецъ отвѣтилъ мнѣ: «скоро кончится служба».

Но я сказалъ, что о. Иларіонъ почему-то желаетъ немедля видѣть его.

Старецъ понялъ, что случилось что-то необычное: онъ тотчасъ приложился къ чудотворной иконѣ Богоматери, перекрестился и вышелъ.

О. Иларіонъ ждалъ его и встрѣтилъ словами: «обитель вашу ждетъ великое искушеніе, но Царица Небесная покроетъ васъ—не бойтесь!»

И тутъ же разсказалъ свое видѣніе, только что ему бывшее. Онъ видѣлъ весь дворъ монастырскій наполненный бѣсами, самъ князь тьмы былъ виденъ среди нихъ; но въ высотѣ небесной появилась Матерь Божія, Которая обошла весь монастырь, остановилась надъ храмомъ Введенія и, покрывъ обитель Своимъ покровомъ, стала невидима... Духи тьмы исчезли, яко исчезаетъ дымъ».

Вскорѣ послѣ сего и началось то великое искушеніе, которое всколыхнуло весь Аѳонъ и доставило столько скорбей русскимъ инокамъ, но которое милостію Царицы Небесной послужило къ славѣ Божіей и дало первый толчокъ къ основанію

на Кавказѣ святой обители, Ново-Аѳонской...

Былъ монахъ Антоній, дѣтски открытая душа. Разъ было съ нимъ искушеніе: уѣхалъ было въ Россію. Но изъ Константинополя вернулся въ обитель.

— «Ну, куда я гожусь въ Россіи?—говорилъ онъ, умоляя старцевъ принять его обратно,—нѣтъ, ужъ буду жить здѣсь!»

Онъ рѣдкій день не докучалъ старцамъ, о. Іерониму и о. Макарію, жалобами на самого себя. Придетъ, говоритъ: «отче, вотъ такой-то обозвалъ меня такъ-то».

— Ну, а ты что ему сказалъ?

— А я выбранилъ его такъ-то. Помири насъ, отче!»

Иногда это бывало глубокой ночью.

— Пожди мало, отче: скоро заутреня,— говоритъ игуменъ.

Но о. Антоній проситъ примирить теперь же.

— Ну хорошо, поди, позови его сюда,— скажетъ старецъ.

Антоній бѣжитъ въ келью обиженнаго, тотъ уже спать легъ, но онъ будитъ его: «игуменъ зоветъ»!

Идетъ инокъ къ игумену, не зная, что случилось.

— Вотъ Антоній говоритъ, что обидѣлъ тебя—помиритесь!—говоритъ игуменъ.

— А я и забылъ, что онъ говорилъ мнѣ,—скажетъ обиженный.

— «А помнишь, мы встрѣтились вотъ тамъ-то, ты сказалъ то-то, а я тебѣ то-то», напоминаетъ Антоній.

Тотъ припоминаетъ. И оба кланяются другъ другу въ ноги и уходятъ умиротворенные.

Поистинѣ малыя дѣтки Божіи! Вотъ о такихъ-то и сказалъ Господь: *аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное.*

И умираютъ такіе съ дѣтской преданностью волѣ Отца Небеснаго. Приходитъ о. Антоній къ игумену: ждетъ его у дверей, не поднимаясь на лѣстницу: «благослови, отче, въ больницу—умирать хочу!»

— Богъ благословитъ—поди отдохни; не отвезти ли тебя въ больницу?

— Нѣтъ, отче: самъ дойду; вотъ къ тебѣ-то подняться было трудно, я тебя вотъ тутъ поэтому и ждалъ. Денька три

полежу, а на четвертый и умереть благослови.

И идетъ въ больницу, лежитъ тамъ три дня, а на четвертый приходитъ игуменъ навѣстить больныхъ, подходитъ къ нему, и Антоній говоритъ: «отче, прочитай мнѣ отходную!»

— Что это ты надумалъ?

— Умереть благослови, батюшка!

Присталъ, проситъ, о. игуменъ беретъ епитрахиль и требникъ, читаетъ канонъ на исходъ души, благословляетъ старца и уходитъ. Но на лѣстницѣ его нагоняетъ послушникъ: «батюшка! отецъ Антоній умираетъ!»

Игуменъ возвращается, но о. Антоній уже Богу душу отдалъ!...

Говаривалъ старецъ, о. Іеронимъ, когда старцы ему говорили, что Антоній часто докучаетъ ему разными мелочами: «если бы побольше было въ братіи такихъ, какъ Антоній, хорошо бы было!»

Да, хорошо бы было, теплѣе жилось бы на свѣтѣ, если бы люди, именующіе себя христіанами, помнили Христово слово о дѣтской простотѣ вѣры, о дѣтской кротости, незлобіи и смиреніи! Тогда и Господь руководилъ бы насъ ко спасенію не яко мудрыхъ и разумныхъ, но яко младенцевъ, открывая нашей простотѣ тайны Своего небеснаго царствія...

Обращаюсь паки къ Новому Аѳону.

Вначалѣ я уже упомянулъ о горѣ Иверской. Она лежитъ къ сѣверо-западу отъ монастыря. Вершина ея—на высотѣ 150 саженъ надъ уровнемъ моря; оттуда чудный видъ на море, на окрестныя горы, на прибрежную узкую долину Абхазіи. Подъемъ очень крутой: чтобъ подняться въ экипажѣ, надо сдѣлать 17 поворотовъ, ибо дорога проложена зигзагами по уклону горы. На самой вершинѣ—развалины древняго храма греческой постройки, какъ полагаютъ, не позднѣе 6-го вѣка.

Уцѣлѣли стѣны храма, среди коихъ поставлена часовня. Въ алтарной абсидѣ по стѣнѣ прикрѣплены цементомъ остатки древности и какой древности! На одной плитѣ стоитъ 437, а на другой 554 годы! Всѣ кресты—греческіе: нѣтъ и признаковъ восьмиконечія. На надгробныхъ камняхъ читается имя архіепископа Михаила. Здѣсь

предполагается построить храмъ въ честь Иверской иконы Богоматери.

Я обошелъ всѣ мастерскія, осмотрѣлъ всѣ храмы, стоялъ, сколько могъ, службы Божіи и прислушивался къ пѣнію иноковъ. Это—самое простое пѣніе, но оно все проникнуто такимъ чувствомъ вѣры и упованія, что съ нимъ не могутъ идти въ сравненіе никакіе изысканные напѣвы столичныхъ хоровъ. Душа поетъ—вотъ что хочется сказать объ этомъ пѣніи!..

Очень сожалѣю, что по крайне болѣзненному состоянію не могъ быть на утреннихъ богослуженіяхъ, которыя начинаются въ 2 часа. Въ трапезѣ былъ и бесѣдовалъ съ братіей. Не былъ я и въ пещерѣ, гдѣ, по преданію, уединялся святой апостолъ Симонъ во время гоненія. Но дважды посѣтилъ храмъ на мѣстѣ его мученической кончины и отслужилъ тутъ панихиду о своемъ незабвенномъ евангельскомъ старцѣ, епископѣ Геннадіи, здѣсь почивающемъ.

Съ теплымъ чувствомъ разстаюсь я съ этой тихой обителью, которая, какъ маякъ на берегу житейскаго моря, ярко освѣщаетъ жизненный путь для православныхъ людей

не только этого края, но и всей Россіи. 8 дней провелъ я здѣсь, въ сравнительно глухое время, но видѣлъ тутъ православныхъ людей и изъ холоднаго Петербурга, и съ теплаго юга, и изъ центральной Россіи. Всѣ они, видимо, выносили отсюда добрыя впечатлѣнія, всѣ освѣжались душой подъ сѣнію еще юной, но уже величественной обители, которую по всей справедливости можно бы назвать лаврою Закавказскаго края. Никогда не забуду я сердечнаго пріема, оказаннаго мнѣ достопочтеннымъ о. настоятелемъ, архимандритомъ Іерономъ, который встрѣтилъ меня на пароходѣ съ распростертыми объятіями, по-родному, и все время заботился о немощи моей. Спаси его, Господи! Спасибо и добрымъ братіямъ, которые видѣли во мнѣ родного имъ по духу человѣка и старались оказать мнѣ всяческое вниманіе.

Да цвѣтетъ и благоукрашается святая обитель сія не только внѣшнимъ благоукрашеніемъ, но — что несравненно важнѣе—духовною жизнію, подвигами самоотверженія и любви къ Богу и ближнимъ... Живо еще монашество на Руси, дышетъ

еще духъ христоподражательнаго смиренія духъ истиннаго пониманія его задачъ, а если такъ, то и Русь еще жива, еще не забыла завѣтовъ своихъ, и Богъ дастъ, молитвами смиренныхъ иноковъ, а наипаче молитвами преподобныхъ отцевъ, въ подвигѣ иноческомъ просіявшихъ, духъ правый снова обновится въ ней, и снова возстанетъ она въ смиренномъ величіи православнаго царства.